

Посвящается Дженнифер

4 июля, День независимости Штат Мэн, остров Финистерре

Лидия жадно впивается в ролл с омаром, который купила в «Доке». Она ест так, будто голодала с воскресенья. Как будто в редкий перерыв хочет не подкрепиться, а провести время с Рори.

Так он себе воображает.

Уже давненько, наверное, с тех самых пор, как познакомился с Лидией — уж точно с тех, когда она еще не огорошила весь остров, выскочив за Трея, чужака, — Рори подумывает, каково было бы, если бы она хотела его так же сильно, как он ее. Рори представляет ее ласки, теплое дыхание в шею, шепот. Представляет, как просыпается утром и смотрит на нее, спящую рядом. Он репетировал признание в любви, а она в его мечтах отвечала, что и так все знает, что любит, нет, обожает его.

Однако умом Рори все понимает. Лидия давно, годы назад, записала его в категорию друзей. А может, и хуже, в братья.

— Этот обед стоил мне восемнадцати баксов, — жалуется Лидия. — Мэгги могла бы сделать скидку, но ладно уж, побалую себя. Праздник же. У всех, кроме местных, выходной. У меня, и то если повезет, на отдых десять минут.

Они не спеша отходят от старенького ресторанчика. Пот течет с них в три ручья. Капли смешиваются, наступает реакция.

Это часть ежедневного ритуала. Сперва Рори заходит к Лидии в пекарню. Встает в длинную очередь и ждет, пока она, заметив его, не принесет кофе: со льдом, без сливок, один пакетик сахара.

— Ты единственный из моих знакомых, кто пьет кофе со льдом и без сливок, — скажет она.

Рори похлопает себя по животу и ответит:

— За фигурой слежу.

Изо дня в день эти фразы не меняются.

Потом прогулка. Лидия покупает поздний завтрак. Рабочий день у нее примерно с четырех до десяти утра.

— Вот это вид, — говорит она.

На узких грунтовых тропинках острова Финистерре, что в восьми милях от побережья штата Мэн, не протолкнуться от туристов. Люди заглядывают в универмаг, в отель, поедают сахарную вату, размахивают флажками, радуются лету. Толпа очень плотная. Рори единственный коп, следящий за порядком на празднике, так что ему следует быть особенно начеку, но он смотрит, как взгляд Лидии скользит с толпы к бухте вдали. Глаза у нее того же цвета, что и море, что и небо, да и вообще все, что прекрасно. Интересно, ее когда-нибудь влекло к нему? Он высок и подтянут, любит думать о себе как о привлекательном мужчине, которого она просто не замечает.

— На вот, угощайся, — говорит Лидия. Она протягивает Рори ролл в бумажной обертке в красную полоску, придерживая его снизу ладошкой.

Принимать угощение не стоит, ведь разделить еду — это что-то да значит, но они делились едой — да и вообще всем — с детства. Рори жует, но во рту так сухо, что он едва ощущает сладковатый вкус мяса. Лидия понимает и видит его таким — правда видит, — каким не видит да и не видел никто.

— Этот укус примерно доллара на четыре, — говорит она. — Гони монету.

Рори тянется к кошельку — нарочито медленно, чтобы показать, что шутку он понял. Лидия смеется. Смеется от души. Господи, как же хочется к ней прикоснуться. Рори хочет обнять ее и поцеловать на глазах у толпы.

— Ты только глянь, — говорит Лидия, мотнув головой в сторону универмага. От двери-сетки, сжимая в руке упаковку капкейков, пятится женщина. У нее сальные рыжие волосы и пустой взгляд.

— Я заплатила! — кричит она. — Иди к черту.

Рори моментально переходит в боевую готовность. Кладет руку на пояс и идет к магазину, загоразивая собой Лидию. Наружу с метелкой в руке выходит Меррит, владелец. Он машет Рори и говорит:

— Все улажено. — Коротко, по делу.

— Вот-вот, улажено, — говорит рыжая, зло глядя на Рори. Разорвав упаковку, она махом съедает капкейк. Хочет уже показать средний палец, но, заметив Лидию, делает вид, будто машет рукой.

— Привет, — говорит Лидия, вяло махнув ей в ответ.

— Загляну к тебе завтра?

— Отлично, — отвечает Лидия и провожает ее взглядом.

— Знакомая? — спрашивает Рори, когда рыжая убегает.

— Да, отирается тут, — говорит Лидия. — Живет в викторианском особняке, с остальным сбродом. Раз в пару дней навевывается в пекарню, берет кофе, платит мелочью, которую, поди, выклянчила, потом вбухивает в стакан побольше сливок и сахара и клянчит работу. Будь я человечнее, дала бы ей шанс.

— Наркоманам шансов давать нельзя, — предупреждает Рори, — а то вещи начнут пропадать.

Летом, может, и наплыв туристов, но вместе с обычными людьми приходят издалека и те, кто желает исчезнуть. Финистерре хоть и маленький, но в нем куча

местечек, где можно спрятаться. Взять тот же полуразрушенный викторианский дом на другой стороне острова, где прошлой осенью Рори наткнулся на нарника с передозом. К тому времени труп успели поддеть еноты.

— Как ее зовут? — спрашивает он.

— Не помню. Аннабель вроде бы. Или Энни. Как бы там ни было, тот дом надо снести.

— С этим обращайся к мужу.

О том, что творится в особняке, Рори уже докладывал — и в полицию штата, и Трею, мужу Лидии, детективу полиции, — но никто ничего так и не предпринял. Вот сдаст Рори в следующем месяце государственный экзамен, тогда, может, к нему станут прислушиваться.

— Мне пора возвращаться, — сообщает Лидия.

Очередь в пекарне все еще тянется до самой улицы, но Рори ныряет в тень под кленом, лишь бы побыть с Лидией еще немного. Даже тут жара изнуряет. По груди Лидии, впитываясь в розовую блузку, стекает капелька пота. Рори закрывает глаза, лишь бы не пялиться, но любой, кто взглянет на них сейчас, сообразит, как сильно он любит Лидию. Она и сама наверняка это знает. Рори переводит взгляд на компанию девчушек в облегающих футболочках и джинсах.

— На что уставился? — одергивает его Лидия. — Не хватало еще, чтобы тебя за извращенца приняли.

Рори бормочет извинения.

— В наше время так не одевались, скажи? — спрашивает Лидия. Им обоим лишь немного за тридцать, но возраст уже сказывается. Воспоминания о бурной юности постепенно тают в тумане сожалений.

— Я уж точно, — отвечает Рори.

— Да уж конечно! Я бы заплатила, лишь бы глянуть!

Лидия снова смеется, и Рори тоже. Такая выходка не прошла бы незамеченной, но ради Лидии он бы рискнул.

Она показывает коричневый бумажный пакет, который прихватила вместе с роллом.

— Никакой тары, — говорит Рори. — Только не на Четвертое июля.

Лидия куксится, прикусив нижнюю губу. Не видит ли Рори чего-то лишнего в этом жесте?

Он отворачивается, а Лидия, сперва приложив бутылку пива ко лбу, делает из нее большой глоток и протягивает ему. Как она держится? Делает вид, что эта связь между ними не рвет ей сердце, а сама приходит домой после работы и застывает на пять минут (или часов?) посреди кухни, думая о нем и приходя в себя лишь под надрывный вой пожарной сигнализации, потому что от пиццы в микроволновке остались одни угольки? Но если все так, если ей больно, то зачем эти прогулки в обед? Зачем так себя изводить?

Лидия касается руки Рори, и он вздрагивает, как от ожога. Это новый шрам в коллекции воображаемых ран, что остались за годы от ее прикосновений. Лидия убирает со лба прядку темных волос. Невинный вроде бы жест, но для Рори он многое значит. А не значил бы, Рори давно бы ушел. Лидия тем временем повязывает фартук и собирает волосы в хвост.

— Нормально выгляжу?

Гораздо лучше, чем просто «нормально».

— Сойдет, — вслух говорит Рори.

— Да ну тебя. Эти летние приезжие... южане хреновы¹. Хорошо хоть, прибыль приносят. Ладно, осталось всего два месяца потерпеть, да?

Отойдя на несколько шагов, Лидия оборачивается и идет дальше вперед спиной. Ветерок треплет ее волосы.

— Найди Оливера, — просит она.

¹ Жители юга штата Массачусетс. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

Услышав имя ее сына, Рори улыбается.

— Принеси ему червячка. Она сейчас жуками увлекается. И еще ему нравишься ты. Оливер считает тебя крутым.

— Все дело в форме, — отвечает Рори.

— Нет, не только в ней.

— А где он?

— С Треем.

После этого она уходит окончательно — махнув рукой, исчезает в толпе, а имя Трея повисает в воздухе, как дурной запах. Рори ловит себя на том, что смотрит вслед Лидии слишком долго. Очнувшись, он уходит. В душе у него — пустота. Толпа инстинктивно расходится, уступая дорогу. При виде Рори счастливые лица на миг омрачаются. Люди спешно прячут пиво, но Рори уже привык к этому. Он всегда чужой на праздниках, наблюдатель. Следит и прикидывает, кто есть кто, за кем нужно приглядеть, кто может быть опасен. Выражение его лица смягчается. Рори напоминает себе, что он — заместитель шерифа Рори Данбар, из островного патруля — должен сливаться с фоном. Рация оживает. Сообщили, что приближается паром. Надо бы на причал, встретить его.

Ба-бах!

Рори вздрагивает. Какой-то спиногрыз у него за спиной взорвал петарду. Рори опомниться не успеваает, как уже держит пацана за плечи и трясет, объясняя, мол, выкинешь еще раз подобный фокус, и куковать тебе ночь в кутузке. Лицо у него горит, пылает жарче солнца. Из рта летят брызги слюны. Мальчишка принимается реветь: слезы, сопли, все дела, — а Рори мысленно желает ему никогда не познать, как тяжело порой живется, как много еще разочарований впереди.

— Больше так не делай, — говорит он под конец.

Пацан стремглав бежит прочь.

Кто-то отворачивается, боясь посмотреть Рори в глаза. Ну а кто-то снял все на сотовый. Черт с ними.

Вот-вот начнется парад. Он пойдет вдоль узких тропок острова. Будут бойскауты, местный джаз-банд и клуб пеших туристов. Ночью, после представления, фейерверки окрасят воду в бухте вспышками красного, белого, синего и золотого; зрители выстроятся на пирсе, а немногие счастливики станут смотреть из лодок на воде. У Рори лодка есть, и хотя сегодня ему работать весь вечер, хочется только быть с Лидией: они на палубе, разгоряченные в знойную летнюю ночь, но страсть заставляет их жаться друг к другу. Они бы смотрели, как фейерверки пронизывают черное небо и, шипя, сгорают. Рори слушал бы дыхание Лидии, ее голос, гладил бы ее вьющиеся пряди. Потом раздел бы ее, и она отдалась бы ему с той же страстью, какую он питает к ней. Они бы оставались на воде всю ночь, и лодка качалась бы на приливных волнах еще долго после окончания фейерверка.

— Где тут туалет?

Рори встряхивает головой, прогоняя грезы. Перед ним, держа за руку девочку, стоит мужчина в коралловых шортах и рубашке в мелкую клеточку. И откуда у банкиров такое пристрастие к розовым шортам? Девочка нетерпеливо дергает мужчину за рукав, но, кроме Рори, проблему никто не решит — он единственный помощник шерифа на празднике.

— Вам прямо вон по той тропинке и потом налево.

Тут-то он и замечает Оливера, сына Лидии, на обочине тропинки у школы. Мальчик, задрав голову, смотрит, как в сторону Атлантики улетает красный шарик. Отчего-то жителям острова кажется, что им ничто не грозит. Что они создали мир, в котором время остановилось и где хорошим людям ничего не страшно. Жаль, но это не так. Даже в Мэне, даже на клочке суши посреди огромного океана маленький мальчик сам по себе — это беспорядок.

— Оливер! — зовет Рори.

Лицо мальчика озаряется улыбкой. Он вытягивает руку, и Рори дает ему пять.

— На что смотришь, приятель?

— Шагик, — отвечает Оливер, радостный и одновременно готовый расплакаться.

— А папа где?

Оливер пожимает плечами.

Рори озирается в поисках Трея, которому полагается быть тут, с сыном. Трей и прежде оставлял Оливера без присмотра, но не в такой же день, когда кругом столько чужаков и так велик шанс потерять мальчика. Надо бы рассказать Лидии. Она непременно должна все знать.

— Может, купим тебе новый? — предлагает Рори. — Заодно и папу твоего поищем. Где вы последний раз виделись?

— Низаю, — отвечает Оливер и бросается вперед.

Рори бежит следом. В бухте тем временем паром, пытая, огибает крошечный необитаемый остров Боумана. Рори надо в порт, чтобы встретить судно, это часть его обязанностей. Догнав Оливера, он подхватывает мальчика на руки.

— Посмотрим, как корабль заходит в порт, — говорит он. — Вместе. Может, даже Пит пустит тебя на палубу.

Пит — брат Рори и капитан парома. Они вместе живут на краю городка. Рори берет Оливера за руку, и вместе они встают на самый край пирса лицом к воде. Вокруг собираются люди. Паром из Бутбей-Харбор приходит дважды в день, доставляя новую толпу и забирая старую. Сегодня, даже со своего места, Рори видно, как на верхней палубе сгрудились пассажиры, приехавшие на экскурсию. Обратный рейс — в четыре часа, и если кто на него не успеет, то застрянет здесь до утра, свалившись на голову Рори.

— Какого черта?

Обернувшись, Рори видит Трея. Трей высокий и щеголеватый, у него густые темные волосы с длинной челкой. Он совсем не похож на полицейского, а выглядит, скорее, как большинство местных — будто только с регаты.

— Теперь ты решил похитить у меня сына? — спрашивает Трей и тянется за Оливером, но тот вжимается в ногу Рори.

— Ты его бросил, — напоминает помощник шерифа.

— По нужде отошел. Выхожу, а тут сюрприз — сына нет. Я эти пять минут места себе не находил.

Трей разговаривает с Рори как с прислугой или того хуже, будто они не знакомы. Ему каким-то образом удастся внушить Рори чувство вины; приходится напомнить себе, что это Трей бросил четырехлетнего мальчика без присмотра. Хороший же из Рори был полицейский, если бы он пустил такую ситуацию на самотек.

— Не смей растрепать об этом Лидии, — предупреждает Трей. — Все равно не получишь того, чего хочешь.

— Да? И чего же я хочу?

Трей ухмыляется краешком рта.

— Мы оба знаем ответ. Его все на острове знают. И Лидия тоже.

Рори заливается краской. Ему сто́ит огромных сил не отвести взгляд. Ответить он, правда, не смеет — голос выдаст его.

— А еще я слышал, что ты подал заявку на госэкзамен, — говорит Трей. — Снова. Третий раз уже, да? Заруби себе на носу: чтобы стать полицейским, нужно уметь оценивать ситуацию. Нельзя вот так взять и уйти с чужим ребенком.

Оливер тычет пальцем в небо.

— Чего тебе? — резко спрашивает Трей.

— Шагик, — говорит Оливер.

— Чего ты как маленький? Это же ты его упустил, да? Я же говорил: держи крепко.